

**ФЕНОМЕН НЕДОВЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ
ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

**1. Доверие и недоверие как атрибуты
человеческого существования и истории**

Традиционно проблема соотношения доверия и недоверия анализируется с акцентом на первый момент. Доверие как «уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь и основанное на этом отношении к кому-либо, чему-нибудь»¹ рассматривается в качестве некой базисной потребности человеческой жизнедеятельности и коммуникации.

При этом исходят из ситуации, очевидной на уровне повседневного здравого смысла: «В человеческих взаимоотношениях мы доверяем определенным людям. Если же они не оправдывают наше доверие, то с ними трудно жить или работать»². Соответственно, на первый план выдвигается проблема доверия, а недоверие рассматривается как следствие несостоявшегося доверия, т.е. исключительно как негативный фактор.

Так рассуждает, например, и Ф. Тённис в своей классической работе «Общность и общество» («Gemeinschaft und Gesellschaft»), где в рамках исследования отношения индивида к другим окружающим его индивидам выделяются так называемые четыре «различения», т.е. различия между знанием и незнанием, знакомостью и чуждостью, доверием и недоверием, связанностью и несвязанностью³. В параграфе «Доверие и недоверие» Тённис описывает изначальную ситуацию выбора между доверием и недоверием, основывающегося на чувстве симпатии или антипатии. При этом акцентируется феномен доверия.

* *Вершинин Сергей Евгеньевич* — старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук, доцент.

¹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1988. С.138.

² *Куриц П.* Запретный плод: Этика гуманизма. М., 1993. С.78.

³ См.: *Тённис Ф.* Общность и общество // Социол. журнал. 1998. № 3/4. С.204–219.

Рассмотрение феноменов доверия и недоверия в психологическом контексте, фиксация множества степеней доверия, переход одного в другое могли бы остаться в упомянутой работе на уровне социологической публицистики, если бы не анализ так называемого «овеществленного доверия». Тённис пишет: «Мы не знаем машиниста поезда, на котором едем, капитана и штурмана корабля, на котором плывем, в большинстве случаев мы не знаем врача, с которым не только консультируемся, но которому доверяем наше тело и нашу жизнь при хирургическом вмешательстве; зачастую мы не знаем адвоката, которому поручаем вести наше дело, а тем более судью... Во всех этих случаях мы полагаемся на то, что человек, пользующийся нашим доверием... может и «хочет нам помочь»¹.

Речь в данном случае идет о том, чтобы попытаться отделить доверие к личности от доверия, возникающего в определенной ситуации общения, от «овеществленного», т.е. делегированного доверия. Тённису важно подчеркнуть существование доверия в рамках социальной связанности как взаимозависимости, как взаимной обязанности выполнять какие-либо обещания и т.д. По сути дела, в качестве исходной берется ситуация обмена, когда способность каждой стороны превращается, независимо от личных свойств индивидов, в «кредитоспособность фирмы».

Э. Эриксон, исследуя жизненные циклы человека, рассматривает доверие прежде всего как чувство, возникающее на самых ранних стадиях: «Фундаментальной предпосылкой ментальной витальности является чувство базисного доверия — формирующаяся на основании опыта первого года жизни установка по отношению к себе и миру»². При этом чувство доверия характеризуется как собственная доверчивость и неизменная расположенность к какому-либо индивиду других людей. Эриксон выделяет три возможных его аспекта: сознательное переживание, внутреннее состояние и, наконец, особый тип поведения. Недоверие же рас-

¹ Тённис Ф. *Общность и общество*. С.210.

² Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М., 1996. С.106. У Ф. Тённиса также присутствуют эмоционально-чувственные характеристики доверия. Кроме упоминавшейся уже «симпатии», это «спокойствие», «чувство безопасности» (Тённис Ф. *Общность и общество*. С.211).

сма­три­ва­ет­ся очень узко — как регрессия к определенному пси­хотическому состоянию (отчуждение от других индивидов, «уход в себя» и т.д.)¹.

Если феномену доверия уделено достаточно много внимания в психологической, социологической, этической литературе², не говоря уже о художественной, то феномен недоверия как бы выпал из поля зрения. Однако каждый читатель этого текста, да и любой человек вообще, может вспомнить многочисленные биографические ситуации, связанные с недоверием, не говоря уже о советском периоде истории России XX в.³ Поэтому важным представляется не столько изучение форм и степеней индивидуального и социального доверия, сколько выявление причин и ситуаций, делающих проблему доверия столь актуальной.

На мой взгляд, следует признать, что доверие существует во взаимосвязи и по контрасту со своей противоположностью — недоверием. При этом я исхожу из двух предположений. Во-первых, доверие и недоверие являются не только индивидуально-психологическими характеристиками, но и социальными признаками определенных социокультурных систем. Во-вторых, недоверие также может быть рассмотрено как атрибут существования отдельного индивида, человеческого общества и истории. Недоверие в этом смысле может исследоваться не только в этическом и познавательном аспектах — как неуверенность в истинности чьих-либо намерений или знаний (или наоборот, как уверенность в ненадежности данного индивида или социального института), не только как один из показателей политической культуры общества, но также в практическом и коммуникативном аспектах. Это означает не только фиксацию — в традиционном плане — неэквивалентности какого-либо обмена (хотя почему бы не допустить и другой вариант интерпретации недоверия — именно как эквивалентного обмена

¹ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. С.106.

² В литературе, посвященной проблемам этики, проблема доверия рассматривается в контексте таких качеств, как ответственность, преданность, надежность. См., например: Курц П. Запретный плод. С.77–78.

³ См., например: Жолтовский А.К. Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. М., 1999.

подозрениями и соответствующими типами поведения), но и трактовку недоверия как предпосылки эффективной ориентации в какой-либо ситуации и взаимодействия с другими индивидами в соответствии со своими (возможными) ожиданиями...

Без определенного недоверия к окружающей среде, которая всегда характеризуется большей или меньшей неопределенностью (или комплексностью), невозможно выживание как в традиционном, так и современном обществе. Недоверие в той или иной степени является необходимым элементом социального поведения — как при переходе улицы, так и при выполнении своих служебных функций, при руководстве крупной корпорацией и при покупке в новом магазине. В этом смысле можно говорить о прагматической функции недоверия. Тогда получается, что, вступая в ситуацию любого социального взаимодействия с другими индивидами, индивид совершает определенный выбор между стратегиями своего личного и социального доверия или недоверия.

Более того, на мой взгляд, сами культурно-исторические формы и способы доверия могут быть поняты адекватно через исследование ситуации недоверия. Тогда любую социальную или культурную систему можно характеризовать через соотношение доверия и недоверия. Применительно к любому обществу можно говорить об определенной *культуре недоверия*. Доверие и недоверие в различных сферах социальной жизни может приобретать разный удельный вес в зависимости от того, какие политические, идеологические и культурные факторы определяют данные феномены.

2. Недоверие в советский период

Недоверие как ведущая социальная ценность

После известных событий в октябре 1917 г., а затем создания СССР в 1922 г. недоверие становится важной идеологической и социальной ценностью, особенно в условиях непрерывной борьбы с внешним врагом (капиталистической системой) и внутренним врагом (оппозиция, вредители, заговоры и пр.). Недоверие ко всему тому, что не укладывается в строго определенные идеологиче-

ские параметры, становится признаком политической зрелости, идеологической бдительности. Так, известный писатель М. Горький, автор одного из лучших в русской литературе XX в. романа «Жизнь Клима Самгина», в своих публицистических работах 30-х гг. неоднократно призывал к бдительности, героической борьбе, пролетарской ненависти¹.

Недоверие распространяется из идеологической и политической сфер на все остальные сферы жизни общества, становясь базисной мировоззренческой ценностью. Оно проникает даже в семью и в структуру идентичности индивида, ставя под вопрос доверие к самому себе. Если в западной культуре З. Фрейд сыграл роль разрушителя доверия индивида к самому себе, то в советской культуре эту роль взяла на себя идеология борьбы за светлое будущее. При совпадении индивидуальных пристрастий с групповыми и социальными ценностями такой проблемы не возникало, но если индивид стремился к девиантному поведению и осуществлял его, то идеология доказывала примат общественного целого с помощью прямого (например, политического) или косвенного (например, символического или этического) насилия и тем самым ставила под вопрос самоидентичность такого строптивого индивида. В целом можно предположить, что в XX в. в западной и советской культурах происходила дискредитация социального и индивидуального доверия, сопровождавшаяся дифференциацией доверия по самым различным основаниям.

¹ См.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т.27: Статьи, доклады, речи, приветствия: 1933–1936. М., 1953. С.472–474, 382. Вот характерный пассаж из статьи «Третьему краевому съезду Советов»: «Враг еще жив, он следит за нами изо всех углов и всегда способен воспользоваться каждым нашим промахом, ошибкой, обмолвкой. Враг вполне заслуживает непрерывного внимания к нему, он доказал это. Нужно уметь чувствовать его, даже когда он молчит и дружелюбно улыбается, нужно уметь подмечать иезуитскую фальшивость его тона за словами его песен и речей, нужно истреблять врага безжалостно и беспощадно, нисколько не обращая внимания на стоны и вздохи профессиональных гуманистов» (Там же. С.389–390). В данном случае обратим внимание на подчеркивание необходимости постоянного недоверия, при этом недоверие понимается не как отсутствие внимания, а как усиленное внимание к «врагу»...

Консенсус по многим политическим и экономическим вопросам достигался зачастую на основе недоверия. Таким образом, недоверие приобретало в рамках определенной группы или общества интегративную социальную функцию, которая в других политических и социальных аспектах оказывалась деструктивной. Недоверие, основанное на вере в высшие ценности советской идеологии, становилось признаком социальной зрелости, силы, профессионализма.

Однако само понятие «доверие» оказывалось, на мой взгляд, не слишком подходящим для выражения лояльности правящей партии и государству. Зачастую оно представало в виде классово неотрефлексированного социального чувства («слепое доверие»), которое в условиях данного политического режима было излишним и нуждалось в замене сильной верой или столь же сильным и отчетливым недоверием¹. Поэтому при рассмотрении взаимоотношения и оценки взаимодействующих индивидов в советском обществе более применимы понятия веры, долга и недоверия, чем доверия.

Синхронизация недоверия

Анализ развития российской истории в начале XX в. позволяет сделать вывод о том, что недоверие к режиму, существовавшему до 1917 г., явилось значительным мобилизующим фактором при переходе к новой, советской политической системе. Главное, что удалось сделать партии большевиков, — это синхронизировать отдельные сегменты недоверия в различных социальных группах, объединив их на основе идеологии свержения существующего строя. И затем в условиях строительства и функционирования социализма властные структуры направляли значительные усилия на то, чтобы ритуализировать недоверие. Для этого, во-первых, выде-

¹ Сама этимология русского слова «недоверие» как *недоверия*, т.е. недостаточной веры, веры еще не оформившейся, не уверенной, способствовала такому толкованию. Не случайно в общих энциклопедиях, например, в «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1987) понятие «доверие» отсутствует.

лялись определенные объекты («враждебное капиталистическое окружение») или субъекты недоверия («врачи-вредители», «втершиеся в доверие враги» и т.д.); во-вторых, задавался определенный коллективный субъект такого недоверия («единный советский народ», «коллектив фабрики имени...» или просто «мы, нижеподписавшиеся»); в-третьих, разрабатывался определенный канон недоверия, а также механизм публичного и приватного его выражения (партийные собрания, пресса, увольнения, аресты и т.д.).

Синхронизированное и манипулируемое недоверие ко всякого рода «не нашим» (врагам, иностранцам и т.п.) становилось серьезным политическим ресурсом доверия к властной элите и политической системе советского общества, позволявшим осуществлять как процессы модернизации, так и политические репрессии.

Недоверие к настоящему как этнокультурная особенность русской истории

Ситуация неустроенности настоящего как традиционная черта русской истории и тотального недоверия к этому настоящему в советское время снималась кредитом идеологической веры, основанной на обещании будущего счастья и справедливого общества (так называемая «уверенность в завтрашнем дне»). Поэтому настоящее не проживалось, оно переживалось как ожидание, как преддверие будущего¹.

Кроме того, в русской культурной традиции сформировался определенный нигилистический тип личности, который утверждал свою индивидуальную ценность как «свободу вопреки»². Воплощение личностных и социальных идеалов понимается таким типом, в частности, как освобождение от настоящего, свобода вопреки настоящему и его «перестройка» на иных основаниях. Тогда «истинная свобода» и способность сказать «нет» обнаруживается в отказе и недоверии к настоящему. Такое настоящее — в силу недоверия к

¹ См.: *Werschinin S., Kruglowa T.* Das Verhältnis zur Gegenwart in der posttotalitären Gesellschaft // *Jahrbuch für systematische Philosophie* 92. Transformationsprozesse in Mittel-und Osteuropa. Münster. 1992. S.26–29.

² См.: *Кантор В.К.* Личность и власть в России: сотворение катастрофы // *Вопр. философии*. 1998. № 7. С.17.

нему — оказывается лишенным позитивного будущего, или же оно возможно как негативное будущее, но в этом случае не заслуживает доверия и внимания. Такое настоящее должно быть преодолено с помощью неких социальных проектов, направленных из будущего и по возможности решительно изменяющих это настоящее. Установка на будущее, возникнув из недоверия к настоящему, парадоксальным образом становится дополнительным фактором сохранения недоверия к настоящему.

Недоверие к настоящему как настоящему политического режима и людям, олицетворявшим этот режим, порождало как общеизвестные формы внутренней осознанной и неосознанной эмиграции (традиционные — бегство в Сибирь, на Дон и т.д., отшельничество, эмиграция, в советское время — освоение целины, строительство крупных промышленных предприятий в Сибири, изучение иностранных языков и т.д.), так и особые формы политической жизни, как, например, наличие большого количества самозванцев в русской политической истории¹. Этот изначальный кредит доверия к будущему и к тем политическим деятелям, от которых ожидают изменения настоящего в лучшую сторону, является константой российской истории — будь то XVII–XVIII вв. или XX в. Остается неизменным одно — самые различные социальные группы, не доверяющие настоящему, оказывают большое доверие человеку, провозглашающему себя либо новым царем (Лжедмитрий, Емельян Пугачев и т.д.), либо новым Президентом России.

Дифференциация доверия и недоверия

Идеологическая вера являлась основой легитимации существовавшего политического режима и своего рода матрицей для построения способов и форм доверия и, соответственно, недоверия в самых различных сферах социальной жизни (доверять можно только человеку своего круга, класса, слоя, партии и т.д.).

¹ См.: Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избр. тр. Т.1: Семиотика истории, семиотика культуры. М., 1994. С.75–109.

Однако общим оставалось одно — вертикальный способ опосредования ситуации доверия, в котором зримо или незримо присутствовал некий авторитетно-авторитарный посредник, влиявший на эту ситуацию. Доверие приобретало внешне-нормативный характер — через ценности, символы, статусы, предписания, способы поведения и т.д. Соответственно выстраивалась определенная ценностная иерархия доверия и недоверия. Согласно такой иерархии сформировалась *политическая герменевтика недоверия* как искусство обнаруживать в различных вещах и событиях некие знаки (символы), свидетельствующие об их «истинной» природе. В советское время основой для недоверия представителям различных социальных групп (молодежи, интеллектуалов, диссидентов) могли послужить длинные волосы, бороды, короткие юбки, увлечение рок-музыкой, абстрактной живописью, прозой и стихами, не вписывающимися в традиционные идеологические и культурные каноны, наконец, просто поведение, отклоняющееся от общепринятых образцов (молчание, уединение, непрозрачность и т.п.)¹.

¹ М. Геллер говорит о проблеме «распознавания своих, отделения чистых от нечистых, одевающих нередко маску» в контексте тайны и секрета, пронизывающих все советское общество // *Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека*. М., 1994. С.71.

В. Паперный в своем фундаментальном исследовании «Культура 2» пишет о том, что «...в культуре действовал не один, а несколько механизмов различения вредителей и героев. Основным, видимо, был мифологический механизм; так, например, тот, кто высказал предположение, что от кесонных работ можно потерять способность к половой жизни, — вредитель, потому что, высказывая это предположение вслух, он подвергает опасности реальную способность к половой жизни, а эта способность окружена в культуре некоторым мифологическим ореолом. Кроме того, действовал и другой механизм. Враждебными культуре оказывались все те, кто пытался перевести ее мироощущение на язык логически непротиворечивых требований» (*Паперный В. Культура 2*. М., 1996. С.213).

В качестве одного из самых курьезных, но в то же время характерных примеров проявления повседневной герменевтики недоверия укажем на дискуссию в местной прессе Екатеринбурга в конце 80-х гг. Группа националистически настроенных людей разыскивала везде тайные знаки сионизма (например, шестиконечные звезды) и обнаруживала их в эмблеме снежинки на одном из

Доверие приобретало черты принудительности и тем самым отчуждалось от взаимодействующих индивидов. По мере нарастания кризисных процессов в СССР в 70–80-е гг. это отчуждение усиливалось. Вместо личностного акта доверия как выражения свободной воли индивида возникала имитация доверия политическому режиму со стороны различных социальных групп (демонстрации трудящихся 1 мая и 7 ноября, партийные собрания с последующим одобрением решений ЦК КПСС и т.д.).

Как реакция на формально-ритуальный характер установления и выражения доверия и недоверия возникали своего рода неформальные компенсаторные механизмы достижения межличностного доверия. Неформальная коммуникация становится способом установления доверительных отношений. Ее формы были очень разнообразны в советское время: совместная трапеза по случаю какого-либо официального праздника, участие в коллективных акциях: спортивных состязаниях, выездах на природу, посещениях сауны и т.д.). Интимность становится индикатором доверия, а личностный и групповой конформизм — основой *имитации доверия*. Так формируются внешняя, поверхностная и внутренняя, глубинная сети отношений доверия и недоверия, часто не совпадающие друг с другом.

3. Недоверие и доверие в постсоветский период

Постсоветское общество сочетает в себе черты прежнего социалистического и современного западного общества. Оно представляет собой сложный объект анализа; сферы общественной жизни отличаются различной направленностью и несогласованностью. Поэтому такое общество может быть адекватно понято только через категорию «неодновременности» (Э. Блох)¹. Это означает, что соотношение фактичности и нормативности доверия в постсоветской социокультурной ситуации приобретает качественно иной характер.

кафе или же на спинке кресла в оперном театре. Это становилось поводом для провозглашения угрозы так называемого «еврейского заговора»...

¹ См.: Bloch E. Erbschaft dieser Zeit. Fr.a.M., 1985.

Во-первых, отсутствует четко выраженная экономическая, политическая и идеологическая синхронизация, необходимая для эффективного функционирования государства в такой огромной стране.

Во-вторых, если в советское время существовала вера в справедливость политического режима (государства, партии, идеологии), сочетавшаяся с недоверием к конкретным лидерам и руководителям, то в постсоветское время возникло всеобщее недоверие к государству как таковому, сопровождающееся верой в отдельных лидеров¹. Общепризнанной чертой политической жизни постсоветской России является, например, то, что избиратели голосуют не за какие-либо программы и стратегии развития общества, а за конкретного кандидата, которому они доверяют в силу тех или иных причин, — или не голосуют вообще².

При этом недоверие связано с наличием коррупции и бюрократии, т.е. феноменов социальной жизни, которые подвергались резкой критике в период перестройки, но в постперестроечный период (90-е гг.) не только не ослабели, но, напротив, приобрели особый размах. И все это сопровождалось усилением недоверия к идеям реформаторов и ценностям либерализма.

Экономика постсоветского общества характеризуется многими экономистами и социологами как «экономика недоверия». Более того, именно поведение, основанное на недоверии и обмане, становится экономически наиболее эффективным. В дискуссиях по поводу развития предпринимательства в постсоветском обществе постоянно отмечается момент отсутствия доверия как некоего морального императива и принципа поведения: «Наличие нравственных компонентов (в нашем случае это отрицание предпринимателями успеха любой ценой) тесно коррелирует с ухудшением мате-

¹ О соотношении легитимности и доверия см: *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социс. 1994. № 6. С.147–156.

² На выборах Президента России 26 марта 2000 г. в Екатеринбурге происходили одновременно выборы депутатов Государственной Думы. В некоторых избирательных округах (например, округ № 162) число избирателей, проголосовавших против всех, составило внушительное число — 23,58%. См.: Избирательная комиссия Свердловской области: Вестник. № 2(5). Екатеринбург, 2000. С.5.

риального положения их семей по сравнению с недавним прошлым. Напротив, безнравственность в бизнесе, а именно, ориентация на достижение успеха любой ценой, любыми средствами тесно коррелирует с динамическим устойчивым ростом материального положения предпринимательских семей»¹.

Таким образом, ландшафт доверия и недоверия приобрел новые очертания: социальное пространство доверия значительно сузилось и локализовалось в атомизированных «гемайншафтах» (фирма, семья, дружеская компания, школьные друзья, сокурсники по университету и т.д.). Доверие приобрело более частный и более персонифицированный характер. Тем самым увеличилось социальное пространство недоверия; универсально-мировой масштаб недоверия, существовавший в советское время (борьба за социализм на всем земном шаре), дополнился еще и недоверием к своей собственной политической системе, что усилило ощущение катастрофичности происходящего в постсоветской России.

Вместе с тем изменились и временные характеристики доверия и недоверия: доверие к будущему сменилось доверием к непосредственному настоящему, и, наоборот, недоверие по отношению к коллективному и частному (своему собственному) будущему значительно возросло. Ресурс доверия резко сократился, ибо доверие не вырабатывается, а черпается из прошлого самого индивида, его индивидуального опыта межличностных контактов и тем самым приобретает индивидуально-биографический характер. Можно доверять тем, с кем вместе рос, ходил в школу или университет. Новые же партнеры по бизнесу или политике изначально рассматриваются с позиции недоверия, степень которого может варьироваться от минимальной до максимальной.

Ведущие экономисты и политики ощущают опасность такой установки, дающей кратковременную выгоду, но в долгосрочном плане снижающей возможности эффективного развития². Происходит дрейф модели социального поведения советского времени в

¹ Малое предпринимательство в кризисном обществе: («Круглый стол») // Социс. 1997. № 7. С.85.

² См.: Доверие — ключ к успеху экономических реформ. М., 1998.

сферу бизнеса: имитация преданности идеям партии, идеологической выдержанности превращается в имитацию веры в слова и поступки партнера, хотя на самом деле мнение о партнере может кардинально отличаться от высказываемого.

Вместе с тем у многих маргинальных групп населения возросла позитивная оценка прошлого, доверие к прошлому в форме ностальгии приобретает массовые черты.

Следует, однако, отметить некоторые позитивные стороны недоверия. Ситуация выживания, отсутствие поддержки со стороны государства заставляют многих людей из различных социальных групп искать собственные пути и способы спасения. В таких условиях часто происходит пробуждение личностного начала и обращение к своим собственным личностным ресурсам¹. Кроме того, срабатывает традиционное понимание свободы как «свободы от» прежних форм веры, и этот ресурс недоверия к социальным институтам в условиях рыночной экономики становится для некоторых индивидов и групп серьезной мотивацией к тому, чтобы приложить личные усилия в какой-либо сфере деятельности.

Недоверие в трансформирующемся обществе становится предпосылкой не только политических и идеологических разоблачений, но и доказательства своей личной состоятельности и спасения собственной идентичности². В этом аспекте можно говорить о мобилизующей функции недоверия.

¹ См.: *Зинченко В.П.* Психология доверия // *Вопр. философии.* 1998. № 7. С.76–93.

² В постсоветской России есть множество примеров обманутого доверия, прежде всего в историях с различными «финансовыми пирамидами». В таких ситуациях те, кто изначально находился на позиции недоверия обещаниям высоких процентов, — не в силу полученной информации, а на основе прежнего опыта — получили, как и обманутые вкладчики, подтверждение эффективности подобной позиции. Однако ситуация с финансовыми пирамидами может быть истолкована и иным образом — как свидетельство наличия значительного ресурса социального доверия и желания многих людей доверять в силу культурной традиции, идеологического воспитания, стремления к личному обога-

Недоверие становится также — в силу своего критического потенциала — инструментом виртуализации социальной реальности и основой более свободного отношения к последней. Это означает, что недоверие создает возможность продуктивного дистанцирования от действительности, формирования собственных представлений о должном ходе событий и воплощении их. В этом плане можно говорить о конструктивном потенциале недоверия.

Вместо заключения

Таким образом, недоверие может анализироваться как самостоятельная константа социальной жизни и истории, а не только как отклонение от ситуации доверия¹. Если ситуация доверия является основой успешной межличностной и межгрупповой коммуникации, то тоже самое можно сказать и о недоверии, проявляющемся в отношении к «своим» и «чужим», в агрессивности, конфликтах и т.д. По аналогии с доверием недоверие, особенно взаимное, может рассматриваться как символический

щению и т.д. возникающим социальным институтам и структурам.

¹ Мы оставляем в стороне вопросы соотношения доверия и недоверия, требующие дополнительного исследования: можно ли считать только доверие биологически укорененным и, следовательно, имеющим синтетический (биолого–социо–культурно–идеологический) характер, а недоверие трактовать более узко — как скорее социокультурный, нежели биологический феномен? Является ли недоверие самостоятельной константой человеческого поведения или же это свойство, выводимое из каких-либо более фундаментальных инстинктов, например, агрессивности? Какова мера взаимоотношения эгоистических и альтруистских мотивов в различных культурно-исторических формах недоверия? Наконец, возникает вопрос о соотношении ценностей жизненного мира и социологической теории. Если ценность доверия удостоверяется нашим повседневным опытом и это отношение переносится в теорию, то с недоверием дело обстоит наоборот. Недоверие вызывает у большинства индивидов вполне естественную негативную реакцию, и это, видимо, находит отражение в истории социальной философии и социологии, выпускающей из поля зрения этот феномен.

эквивалентный обмен, в ходе которого возникает специфический вид социальности, требующий нетрадиционных понятий и принципов исследования.

Недоверие является результатом взаимодействия многих экономических, политических, идеологических, культурных факторов. В этом качестве оно может приобретать самые разнообразные исторические и культурные формы и даже доминировать на определенных исторических этапах в некоторых социальных системах.

Недоверие обладает рядом функций: познавательной, коммуникативной, прагматической, мировоззренческой и т.д. Недоверие как у отдельного индивида, так и у целой социальной группы может простираться от бессознательной установки до рефлексивно-оценочной операции, воплощающейся в определенные идеологии или политические события.

В аспекте недоверия возможно изучение социально-политической истории не только СССР, но и других государств. На мой взгляд, подобный подход позволяет более объемно и глубоко исследовать как особенности исторического развития той или иной страны, так и сам феномен социальности. Подобно тому, как при изучении проблемы исторической и социальной памяти более эффективно изучать не столько сами механизмы и формы этой памяти, сколько проблему социального и исторического забывания, так и в данном случае внимание к феномену недоверия позволит лучше понять феномен доверия.

Такой «обратный» взгляд позволит дополнить «позитивную» социологию как дисциплину, основывающуюся на определенном роде ценностях и рассматривающую общество только с нормативной, культурной, идеологической стороны, «негативной» социологией, вовлекающей в поле зрения социологов малоисследованные стороны социальной жизни.